

(ПП: у этой идиомы 2 смысла. Буквальное - описание физического разрушения, например, ураганом, взрывом или монстром, фигуративное - создать невероятный, оглушительный шум или переполох. Здесь будет и то, и другое)

Мать Е принялась увещевать его мягко, будто заботливо:

— Ах, Нин-гер, ты ведь живёшь в счастье и сам того не понимаешь. Старший сын семьи Чжоу так глубоко к тебе привязан! Всё, что он сделал, - от чрезмерной любви. Это же твоя удача! Для гера разве не в этом смысл жизни - найти хорошую семью, достойного мужа и выйти замуж? Пойдёшь за Чжоу-далана, не ошибёшься, уж поверь. Будешь потом жить в достатке, есть досыта, пить всласть...

Из-за дверной доски раздался холодный, отстранённый голос Е Нина:

— У Е Нина слабый желудок, он не выносит острого. Боюсь, «есть сытно и пить вдоволь» хочется вовсе не мне, а вам, отец и мать.

— Ты... — голос матери Е тут же взвился. — Что ты сказал?! Ты сам слышишь, что говоришь?! Так разве может говорить гер? Сегодня ты дерзишь родителям, а завтра дерзить мужу начнёшь! Мы вырастили тебя, выкормили, разве не вправе теперь получить выкуп за невесту?

Она собиралась продолжать, но Е Нин спокойно перебил:

— Значит, вы уже получили выкуп от семьи Чжоу.

Мать Е осеклась на полуслове, мгновенно поняв, что проговорилась.

Отец Е сурово прикрикнул:

— Хватит! Больше ни слова. Сиди тихо в комнате! В чьей семье геру позволяют самому решать свою свадьбу? Этот брак с семьёй Чжоу мы уже одобрили. Хочешь - не хочешь, а замуж ты пойдёшь!

Он тут же распорядился:

— Раз такой упрямый - поголодай. Сегодня и завтра не давать ему еды. Посмотрим, сколько он ещё будет упираться!

Послышались шаги - родители Е ушли. Следом донёсся голос Е Чжу, радостно подначивающий, а затем вся семья ушла утешать младшего и завтракать.

Е Нин больше не произнёс ни слова. В его душе всё было ясно, как в зеркале, прозрачнее некуда. Семья Е с самого начала собиралась обменять его на выгодное родство с домом Чжоу. Потому-то они и «не замечали» поступков Чжоу-далана. Не потому, что не видели, а потому, что им было всё равно. Стоило тому пролить пару слёз, пожаловаться, и дело считалось закрытым. Главное, чтобы выкуп был уплачен. Тогда всё можно оправдать.

Е Нин понимал: разговаривать с ними бесполезно. Сейчас надеяться можно только на себя. Он оглядел комнату. Дверь и окна были наглухо заколочены. Если бы у него было тело из прошлой жизни, пусть не особо крепкое, но закалённое выживанием в конце света, такую хлипкую преграду он бы уже выбил. Но теперь...

Е Нин опустил взгляд на своё нынешнее тело. Слишком худое. Бёдра тоньше чужих рук, талия такая узкая, что её можно обхватить одной ладонью. То ли из-за недоедания, то ли от постоянного истощения, ясно одно: это не то, что можно исправить за день или два.

С таким хрупким телом идти таранить дверь - дело заведомо невыгодное. Окна тоже заколочены наглухо... тогда, пожалуй...

Грохот! Прогредел гром. В этом году погода в деревне Циньтянь стояла на редкость странная: дожди шли куда чаще обычного. Ливень хлынул стеной, в одно мгновение накрыв маленький дом семьи Е плотной завесой дождя. Дом был ветхий, и в дождливую погоду крыша неизменно протекала, как, впрочем, и сейчас.

Кап... кап... кап...

Вода срывалась с потолка. Е Нин поднял голову, внимательно посмотрел на разваливающуюся крышу и слегка приподнял бровь. Двери и окна укрепили, а вот крышу - нет, да ещё в таком состоянии. Значит, куда разумнее выбраться через неё. Как говорится, если нельзя выйти - срывай крышу.

Сейчас ещё светло. Если выбраться немедленно, он наверняка столкнётся с отцом и матерью. Е Нин решил дождаться темноты, когда те утратят бдительность, и уже тогда разобрать крышу и уйти. Он не спешил. Напротив, спокойно улёгся, закрыл глаза и стал беречь силы. Последние дни он работал на износ: ради свежей рыбы и креветок вставал затемно, варил насыщенный бульон, бегал к реке ещё до рассвета. Говорить, что он не устал, было бы ложью, его худощавое тело уже не справлялось. Стоило ему лечь, как он тут же провалился в глубокий сон.

— Пустите меня к Е Нину! Я должен его увидеть! Дядя, тётя, как вы можете вот так запереть Е Нина?! Чжоу-далан вовсе не хороший человек, если Е Нин за него выйдет, его жизнь будет загублена!

Е Нин потёр глаза - его разбудили громкие голоса. Он окончательно проснулся и прислушался. Это был голос его двоюродного брата, Чжан Чжюаня.

В комнате царила кромешная тьма: двери и окна были наглухо заколочены, внутрь не проникал ни единый луч света. Значит, он проспал с бела дня до самой ночи. Чжан Чжюань всё это время оставался у лапшичной: ждал слева - Е Нин не приходил, ждал справа - всё без толку. Готовить он не умел, поэтому в конце концов повесил табличку «Сегодня закрыто».

Чжан Чжюань заподозрил, что с Е Нином что-то случилось. Он попросту запер дверь лапшичной и отправился в дом семьи Е, чтобы всё выяснить. Лишь переступив порог, он узнал правду: Е Нина заперли, готовя к выдаче замуж за Чжоу-далана, и даже еды ему толком не давали.

Чжан Чжюань был человеком прямым и упрямым, с обострённым чувством справедливости. Он тут же попытался урезонить родителей Е - говорил и по совести, и по чувствам, но те оказались глухи ко всем доводам.

Е Чжу, стоя в стороне, язвительно хихикал:

— Ой-ой, двоюродный братец, да ты, часом, не запал на нашего Нин-гера? Только скажу тебе прямо, не обессудь: ты бы на себя посмотрел. Сам-то живёшь у нас на постое. Даже если Нингер и калека, неспособный к деторождению, хи-хи, всё равно не до того, чтобы выдавать его за такого бедного книжника. Не зря говорят: «От книжников никакой пользы». И ведь правда!

Отец Е приютил Чжан Чжюаня лишь потому, что в деревне не было образованных людей: вдруг тот сдаст экзамены и прославится, тогда, глядишь, и оплатит добром. Но, услышав слова сына, родители насторожились. Лицо у Нин-гера - загляденье, фигура редкая; сколько приданого и выкупа можно получить, выдав его за Чжоу! А если вдруг отдать его за Чжан Чжюаня, да об этом и говорить нечего, никакой выгоды.

Отец Е тут же насутился и сурово сказал:

— В это дело тебе лезть не следует. Как ни крути, это семейные дела нашей семьи Е. Ты здесь человек посторонний. Если продолжишь совать нос куда не просят, убирайся из нашего дома прямо сейчас.

Мать Е и без того давно была недовольна тем, что Чжан Чжюань «ест задаром», но раньше не решалась перечить мужу. Теперь же подхватила:

— Вот именно. За кого выходить Нин-геру - это наше дело. А ты всё время крутишься у него за спиной, люди увидят, языки распустият. То, что Чжоу-далан и так не брезгает - это уже большое счастье.

Чжан Чжюань, при всей своей прямооте, был вовсе не глуп. Ещё при входе он заметил, как родители Е пересчитывали выкуп: уголки их губ едва ли не до ушей растянулись от довольства. В этот миг у него в груди будто разверзлась ледяная пропасть, холод поднимался густым, удушливым туманом.

Из-за запертой двери раздался голос Е Нина, громкий, отчётливый:

— Кузен, возвращайся. Не нужно больше вмешиваться.

Чжан Чжиюань кивнул и произнёс:

— Этот племянник пришёл к вам без всего и лишь благодаря милости дяди и тёти прожил здесь несколько дней. Уже тем самым доставил хлопоты. Теперь, раз вы сами велите, мне надлежит уйти.

Он вдруг резко сменил тон и твёрдо сказал:

— Но Е Нин ни в коем случае не должен выходить за Чжоу-далана. Он погубит его в доме Чжоу!

И, повысив голос, добавил:

— Е Нин, будь спокоен! Я обязательно найду способ тебя спасти!

— Да что ты за безумец такой! Выгнать его!

— Вон отсюда! Это дела нашей семьи Е, тебе, чужаку, нечего сюда лезть!

— Ишь ты, жаба возжелала лебединого мяса! Хоть бы поссал на землю, да в лужу посмотрел, чего сам стоишь!

После шумной перебранки голоса постепенно стихли - было ясно, что Чжан Чжиюаня выгнали. Е Нин, прислонившись к двери, ещё некоторое время прислушивался, затем беспомощно покачал головой. Он не знал, пострадал ли двоюродный брат, но понимал одно: пытаться вразумить людей семьи Е - дело совершенно безнадёжное.

Снаружи лил проливной дождь. Чжан Чжиюань, выбежав из дома, в одно мгновение промок до нитки, будто выкупался в реке. Волосы прилипли к лицу, одежда облепила тело, от прежнего образа учёного мужа не осталось и следа.

В деревне Цинтянь он жил у семьи Е, а теперь, изгнанный, оказался без крова. Сначала он хотел укрыться от дождя в лапшичной, но, подумав, отказался от этой мысли. Люди из семьи Е уже наговорили столько грязи о его связи с Е Нином; его собственная репутация - дело второстепенное, но для гера доброе имя значило всё. Если бы он остался ночевать в лапшичной, слухи наверняка поползли бы ещё более отвратительные. Стиснув зубы, Чжан Чжиюань пробежал мимо лавки и направился к дому семьи Цзян.

Ранее он договорился там о месте писаря и должен был приступить к службе через несколько дней; тогда и жить, и питаться стал бы в доме Цзян. Но сейчас ждать было невозможно и, не имея иного выхода, он, преодолев стыд, отправился туда прямо сейчас.

Тук-тук-тук. Он осторожно постучал в дверное кольцо.

— Кто там в такой ливень ломится? — слышалось изнутри.

Вскоре дверь со скрипом отворилась. Чэн Чжао, держа зонт, выглянул наружу.

— А? — он широко раскрыл глаза. — Чжан-саньлан? Это вы?

Ночь сгущалась. Отец и мать Е, так и не выпустив злость, ещё некоторое время поносили Чжан Чжиюаня, а затем разошлись по комнатам спать. Вскоре в доме семьи Е не осталось ни звука, лишь шум дождя да редкие раскаты грома.

Е Нин выждал немного, убедившись, что все уснули. Затем он придвинул стул к шкафу, ловко взобрался на него, ухватился за край шкафа и одним движением вскарабкался наверх. Его движения были лёгкими и бесшумными, совсем как у проворного кота.

С крыши капала вода - в кровле уже зияла дыра. Е Нин поднял руку и с силой ткнул в неё: усилий почти не понадобилось, отверстие тут же разошлось шире. Он сорвал часть прогнившей кровли, и дождь хлынул вниз сплошным потоком.

Подставив лицо ливню, Е Нин едва заметно улыбнулся. Он пролез сквозь дыру, ухватился за край и одним движением оказался на крыше. Для человека, который в прошлом выживал в мире апокалипсиса, лазанье по крышам не представляло ни малейшей трудности, тем более что крыша дома семьи Е была невысокой.

Он двигался бесшумно, легко пересёк крышу и одним прыжком оказался на дворовой стене, даже перелезть не пришлось. Спрыгнув вниз, он обернулся и в последний раз взглянул на обветшалый дом семьи Е, после чего развернулся и растворился в дождливой ночи.

Прежде всего Е Нин собирался укрыться от ливня в своей лапшичной. Дождь был слишком сильным, он промок насквозь. Сам он не был изнеженным, но это тело оказалось слишком хрупким и никак не выдержало бы такого промокания.

Ночью деревня Цинтянь была погружена в тишину: двери и окна закрыты, ни единого огонька. Когда Е Нин добежал до северной окраины, сквозь шум дождя донеслись всхлипы и громкий смех.

Плач был истеричным, смех - наглым и развязным.

— Ай-яй, откуда тут такой гер взялся, нежненький... Чужак, что ли? Ночь на дворе, один бродишь, небось дорогу потерял? Иди-ка сюда, я тебя провожу, согрею... ха-ха-ха!

— Отпусти меня... помогите... помогите!

— Ха-ха, какой голосок! Кричи, кричи! Ты, видно, не в курсе - я, Чжоу-далан, первый богач в Цинтяне. Пойдёшь со мной, будешь есть досыта и жить в довольстве!

Чжоу-далан. Снова Чжоу-далан.

Е Нин тут же остановился. Сквозь плотную пелену дождя он разглядел, как Чжоу-далан с двумя прихвостнями загнали худощавого юношу в угол у стены. Чжоу-далан швырнул на землю промасленный зонт и, не сдерживая похоти, ринулся вперёд.

Двое сопровождающих расхохотались:

— Мы пойдём туда, посторожим. Как господин управится, вернёмся.

Они отошли, а смех Чжоу-далана стал ещё более разнузданным. Е Нин прищурился и опустил взгляд к своим ногам. Ливень был такой сильный, что ломал ветви деревьев: рядом на земле лежала упавшая ветка - толстая, почти с его руку.

Е Нин медленно наклонился, под наглый вульгарный смех поднял с земли ту самую толстую ветку и легко взвесил её в белой, на вид хрупкой ладони.

Достаточно толстая.

Достаточно тяжёлая.

<http://bllate.org/book/15118/1412340>